

18+

РЕВНИТЕЛИ: ЭЛИМИНАЦИЯ

ДМИТРИЙ БЕЛЬСКИЙ
MAGNIFICENCE

Дмитрий Бельский

Ревнители: Элиминация

«Издательские решения»

Бельский Д.

Ревнителі: Элімінація / Д. Бельскіі — «Издательские решения»,

Две недели спустя после событий «Проксимы 2». Слэйд Салдэрс начинает игру, к которой готовился шесть лет. Освобожденные убийцы, тайная база Sulderscorp и технология, способная превратить людей в оружие, становятся лишь первыми шагами к Элиминации. Проксиме, Вайлет, Арлетт и новым союзникам придется объединиться, чтобы остановить катастрофу мирового масштаба. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ревнители: Элиминация	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ревнители: Элиминация

Дмитрий Бельский

© Дмитрий Бельский, 2026

ISBN 978-5-0070-6096-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ревнители: Элиминация

Спустя две недели после событий «Проксима 2»

Глава 1

Москва

В столице стоял яркий и солнечный день — из тех, когда город кажется слишком мирным, чтобы в нем могло случиться что-то плохое.

По одной из главных улиц Москвы двигался полицейский конвой. В центре колонны ехала бронированная машина для перевозки особо опасных заключенных, впереди и позади нее держались несколько патрульных автомобилей. Сирены не выли, мигалки не резали воздух тревожным светом: маршрут был закрытым, быстрым и, по мнению полиции, достаточно надежным.

Внутри бронемшины, напротив друг друга, сидели двое.

Сергей Руденко и Вероника Курская.

Обоих везли в тюрьму. Оба были пристегнуты наручниками к металлическим креплениям. За ними неотрывно следили вооруженные полицейские, прекрасно понимая, что перед ними не обычные преступники, а люди, рядом с которыми слово «опасность» звучало слишком мягко.

Вероника сидела спокойно. Даже слишком спокойно. Рыжие волосы падали на лицо неровными прядями, взгляд был живой, внимательный и неприятно веселый. Она рассматривала Руденко так, будто перед ней оказался не заключенный, а любопытный экспонат.

— Так это ты? — спросила она наконец.

Руденко медленно поднял на нее глаза.

— О чем ты?

— Вепрь. Это ведь ты? Тот самый, кто пару недель назад вместе с рыжей устроил мэру испытание в прямом эфире.

Руденко едва заметно усмехнулся.

— Было дело.

— И что там произошло? — Вероника подалась чуть вперед, насколько позволяли наручники. — Вайлет в конце просто взяла и освободила мэра. Она что, в одиночку вас всех вырубала? Неужели настолько хороша?

— Она была не одна. Проксима и Клэвэр тоже были там. Зеленого я снял, а потом Вайлет вырубала меня. Дальше я уже ничего не помню. Лежал и истекал кровью, пока спецназ не нашел.

Вероника улыбнулась шире.

— Звучит обидно.

— Бывало хуже.

Руденко посмотрел на нее внимательнее. Взгляд скользнул по лицу, наручникам, спокойной позе и странной улыбке.

— А ты за что здесь? Судя по тому, что нас посадили друг напротив друга, ты натворила что-то серьезное.

— Ничего особенного, — легко ответила Вероника. — Всего лишь убила десятки невинных людей. Разрубила их топорами.

Один из полицейских напрягся, но промолчал.

Руденко не изменился в лице.

— Ради чего?

Вероника пожала плечами.

— Ради удовольствия. Наверное. Хотя это не совсем правильное слово. Скорее... во мне будто что-то просыпалось. Давило изнутри, требовало, чтобы я сделала это снова. А когда я брала топор в руки, становилось легче.

— Вижу, с головой ты не дружишь.

— Ошибаешься. Я вменяемая. Мне, конечно, диагностировали амок, но это был предварительный диагноз. Если бы меня признали невменяемой, я бы сейчас сидела в психушке, а не рядом с тобой.

— Тоже верно, — сказал Руденко. — Соображаешь. Значит, голова на месте. Просто используется неправильно.

Вероника тихо рассмеялась.

— Забавный ты.

— Прекратить разговор... — не успел договорить полицейский, как со встречной полосы вылетел грузовик и на полной скорости протаранил бронемашину.

Удар был такой силы, что конвойную машину швырнуло в сторону. Колеса взвизгнули по асфальту, корпус накренился, стекла в ближайших патрульных машинах осыпались крошкой. Внутри всех бросило вперед. Полицейский, только что приказавший молчать, сорвался с места и ударился о стенку.

— Что за дьявол?! — выкрикнул он, пытаясь подняться. — Что происходит?!

Руденко, в отличие от него, не выглядел удивленным.

Он лишь злобно улыбнулся.

— Это ваша смерть пришла.

Двери грузовика распахнулись.

На улицу вышли несколько хорошо экипированных бойцов в темной броне. Последней появилась женщина в синем костюме и маске на глазах. Двигалась она спокойно, уверенно и слишком красиво для человека, пришедшего на обычное нападение.

Синистра.

Полицейские открыли огонь почти сразу. Выстрелы разорвали солнечный день, прохожие закричали и бросились врассыпную. Кто-то упал на асфальт, кто-то прятался за припаркованными машинами, кто-то застыл посреди тротуара, пока чужая рука не потащила его прочь.

Синистра пошла вперед.

В одной руке у нее был пистолет, в другой — нож. Она двигалась между выстрелами резкими короткими рывками, будто заранее знала, где окажется каждая пуля. Первый полицейский получил выстрел в грудь. Второго она сбила с ног ударом колена, вонзила нож под бронежилет и тут же использовала его тело как щит от очереди. Третий попытался обойти ее сбоку, но Синистра развернулась, выстрелила почти не глядя и попала точно в горло.

Она убивала быстро.

Без суеты.

Без лишней злости.

Почти так же смертоносно, как Проксима, только в ее движениях не было ярости — лишь холодная выученная точность.

Следующего полицейского она ударом впечатала в борт бронемшины и вонзила нож ему в руку. Клинок прошел насквозь и попал точно в поврежденный после аварии стык между дверью и бронепанелью. Металл там уже повело от удара грузовика, резиновый уплотнитель разорвало, поэтому лезвие вошло глубже, чем должно было. Окровавленный кончик вышел с внутренней стороны — прямо перед плечом Руденко.

Он посмотрел на торчащий клинок и усмехнулся.

— Хм... Анжела. Я скучал.

Еще через несколько секунд сопротивление почти закончилось. Бойцы Синистры добились оставшихся полицейских, а сама она меткими выстрелами сняла последних, кто пытался

отползти к укрытию. Место нападения мгновенно превратилось в кровавый хаос: битое стекло, дым от пробитых машин, тела на асфальте, гильзы под ногами и испуганные крики людей где-то в стороне.

Синистра подошла к задней двери бронемашины.

Замок после удара грузовика перекосило, но она быстро справилась с ним. Дверь с тяжелым скрежетом распахнулась.

Внутри пахло кровью, металлом и горелой проводкой.

Синистра подняла пистолет и двумя точными выстрелами в голову убила двух последних полицейских, укрывшихся внутри бронемашины. Затем выстрелила по креплениям цепей, освобождая заключенных.

— На выход.

Руденко поднялся первым, потирая запястья.

Вероника медленно встала следом и улыбнулась так, будто день наконец стал интересным.

Глава 2

Дом Кристины

Дверной звонок разорвал тишину дома настолько резко, что Кристина даже вздрогнула. — О господи, кого еще ко мне занесло? — недовольно спросила она у самой себя.

Она дошла до двери, даже не посмотрела в глазок и открыла.

И тут же пожалела, что не посмотрела.

На пороге стояла молодая девушка в черном пальто, с чемоданом у ног и пятилетним мальчиком рядом. Девушка улыбалась так широко, будто не явилась без предупреждения в дом к родственнице после почти двух лет молчания, а выиграла путевку в санаторий с бесплатным шведским столом.

— Сюрприз! — выкрикнула она.

Девушка тут же полезла обниматься. Кристина ответила на объятие машинально и не слишком уверенно. На ее лице при этом читался один большой вопрос: «Какого хуя?»

— Ксюша? — наконец спросила она, все еще не до конца веря своим глазам.

— Ну а кто же еще? — радостно ответила та. — Стасик, поздоровайся с тетей Кристиной. Мальчик выглянул из-за маминой ноги и смущенно помахал рукой.

— Здравствуйте.

— Так, стоп, — Кристина медленно подняла ладонь. — Что происходит?

Улыбка Ксюши сразу стала чуть менее уверенной.

— Ну что ты, сестренка, не рада меня видеть?

— Рада, — быстро сказала Кристина. — Просто... блин, мы почти два года не виделись. И обычно люди перед таким «сюрпризом» хотя бы пижут. Ну, знаешь, чтобы хозяйка дома успела спрятать оружие, трупы и эмоциональные проблемы.

Ксюша нервно усмехнулась.

— Я тоже скучала по тебе. Можно мне у тебя остаться на некоторое время? Тут рядом больница, мне надо быть там.

— Нет, — ответила Кристина почти сразу.

Ответ повис между ними неловко и холодно.

Ксюша моргнула, явно не ожидая такой скорости отказа.

— Да уж... Наверное, не надо говорить, насколько я разочарована.

Кристина тут же сжала губы, будто сама поняла, как грубо прозвучала.

— Прости. Я не хотела так резко. Просто у меня сейчас... сложный период.

— У тебя он, по-моему, всегда сложный.

— Справедливо, — пробормотала Кристина. — Кстати, а где Женя?

Лицо Ксюши изменилось.

И этого оказалось достаточно, чтобы раздражение Кристины тут же ушло.

— Вот из-за Жени мне и надо в больницу, — тихо сказала Ксюша. — Вчера его перевели в реанимацию. Состояние ухудшается. Я хочу быть рядом с ним, а твой дом, как я уже сказала, находится близко к нужной больнице.

— О боже... — Кристина побледнела. — Ему же всего чуть больше года. Не знаю, что с ним случилось, но неужели все настолько серьезно?

— Боюсь, да.

Кристина несколько секунд молчала. Потом отступила от двери.

— Ладно, Ксюша. Раз такое дело... конечно, вы со Стасом можете остаться у меня.

Ксюша облегченно выдохнула и снова попыталась улыбнуться.

— Спасибо, Кристина. Я правда тебе очень благодарна.

— Проходите.

— Я тогда сразу поеду в больницу, хорошо? Стасика оставлю у тебя. Вечером вернусь. Кристина посмотрела на мальчика. Тот стоял тихо, сжимал в руках маленькую машинку и разглядывал дом с видом человека, которого внезапно высадили на другой планете.

— Хорошо, — сказала Кристина. — Надеюсь, с Женей все обойдется.

— Я тоже на это надеюсь.

Ксюша быстро обняла сына, поцеловала его в макушку и ушла.

Кристина осталась в прихожей со Стасиком.

Они несколько секунд просто смотрели друг на друга.

— Ну что, спиногрыз, — тихо сказала Кристина, — добро пожаловать в дом, где взрослые делают вид, что контролируют ситуацию.

Стасик ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

Из-за стены гостиной появилась Вика. По ее лицу было ясно, что она не просто вышла случайно, а успела услышать достаточно, чтобы теперь делать невинный вид.

— Не знала, что у тебя есть сестра.

— Она двоюродная... или троюродная... хуй поймешь.

— Ну это полностью меняет дело, конечно.

— Да уж. Теперь у нас еще одна проблема. И как с ним быть?

Стасик крепче прижал игрушку к груди.

— Что-нибудь придумаем, — сказала Вика уже мягче. — Кстати, звонила Настя. Хочет встретиться в кафе неподалеку через полчаса.

Кристина сразу стала серьезнее.

— Настя не стала бы звать по пустякам.

Она посмотрела на Стасика.

— Хочешь прокатиться на крутой машине?

Мальчик тут же оживился и заулыбался.

— Хочу!

— Вот и отлично.

Через полчаса

Кристина, Вика и Стасик вошли в небольшое кафе. Анастасия Семегран уже ждала их за столиком у окна. Вид у нее был такой, будто последние новости окончательно испортили ей день.

Она подняла глаза и заметила ребенка.

— А это кто у нас такой маленький?

— Сестра на шею повесила, — ответила Кристина, усаживаясь напротив.

— Не знала, что у тебя есть сестра.

— Вот! — тут же воскликнула Вика. — Именно так, слово в слово, я ей сегодня и сказала.

Кристина устало посмотрела на них обеих.

— Вы прям сговорились, я смотрю. Кто еще не знал, что у меня есть сестра? Может, официант? Или сразу объявим по громкой связи, пока меня не начали подозревать в незаконном хранении родственников?

Стасик сел рядом с Викой и начал катать машинку по краю стола. Кристина машинально подвинула стакан подальше.

— Ладно, ближе к делу, — сказала Настя. — Вы наверняка уже видели последние новости.

— Какие новости? — Кристина напряглась. — Еще один теракт?

— Нет. Не теракт. Но очень похоже.

Анастасия передала ей смартфон с открытым видео.

С экрана заговорил голос ведущей:

«Столица вновь потрясена. После недавнего теракта у торгового центра и скандального похищения мэра Москва столкнулась с новой атакой: группа вооруженных людей напала на конвой с особо опасными преступниками. Десятки полицейских погибли. Нападавшие скрылись с места происшествия, освободив задержанных — Сергея Руденко и Веронику Курскую. По данным правоохранителей, оба считаются одними из самых опасных преступников страны».

Вика резко выпрямилась.

— Стоп! Руденко жив? И кто такая Вероника?

Настя сжала пальцы на чашке.

— Меня больше интересует, кто та накрашенная мымра, которая их освободила.

Кристина сидела неподвижно.

Слишком неподвижно.

Она не смотрела на экран. Не перебивала. Не язвила. Просто замерла.

— Кристина? — Настя щелкнула пальцами перед ее лицом. — Ау. Ты нас слышишь?

— Да она издевается, — сказала Вика.

— Нет, — медленно возразила Настя. — Она что-то поняла. Ты посмотри на ее глаза.

Кристина наконец моргнула.

На экране еще раз мелькнула женщина в синем костюме. Быстро, смазано, но достаточно.

Маска. Движения. Уверенность.

— Ладно, Кристина, — осторожно сказала Настя. — Выкладывай. Что ты думаешь?

Кристина резко встала из-за стола.

— Мне срочно надо идти.

Вика растерянно подняла руки.

— Я не совсем это имела в виду! Ты куда?

— Потом расскажу.

— Стой! А как же Стасик?

Кристина на секунду посмотрела на мальчика, потом перевела взгляд на Вику.

— Отвези его домой.

— То есть ты просто оставляешь мне ребенка?

— Да.

— Не оставляй меня с этим карапузом!

Но Кристина уже направлялась к выходу.

Вика посмотрела на Стасика. Тот спокойно катал машинку по столу.

— Вот так, Стасик, тетя Кристина нас бросила. Запоминай: в этой семье это называется «срочно по делам».

— Поверь, она знает, что делает, — уверенно сказала Настя, хотя в голосе уверенности было меньше, чем ей хотелось показать.

Вика посмотрела на дверь, за которой исчезла Кристина.

— Ну да. Она же Проксима.

Глава 3

Штаб-квартира Салдэrsa

Огромный подземный комплекс, спрятанный где-то под промышленной зоной или за ее пределами.

Повсюду были люди.

Вооруженные бойцы в темной экипировке патрулировали проходы. Персонал в белых халатах торопливо переходил от одного терминала к другому. Грузчики перевозили контейнеры с приборами, ящики с оборудованием, прозрачные боксы с неизвестными деталями и медицинские капсулы. На стенах горели экраны, по полу тянулись кабели, в воздухе пахло озоном, металлом, лекарствами и чем-то стерильным, неприятно больничным.

Настоящее логово зла.

Только без пафосных черепов на стенах. Видимо, у богатых злодеев был другой вкус.

Помещение представляло собой огромный зал, от которого во все стороны уходили коридоры. За стеклянными перегородками виднелись лаборатории, оружейные комнаты, серверные и какие-то закрытые секции, куда не пускали даже бойцов без отдельного допуска. В нескольких местах стояли вооруженные посты. Люди двигались быстро, четко, без лишних разговоров — как будто каждый знал свое место.

Огромная дверь в дальней части ангара раскрылась.

Внутрь вошли Синистра, Сергей Руденко и Вероника Курская.

Руденко шагал уверенно, хотя после ранений двигался чуть скованно. Он старался не показывать слабость, но тело все равно выдавало его: легкая задержка в шаге, напряжение в плечах, короткая гримаса, когда он поворачивался слишком резко.

Вероника же смотрела по сторонам с нескрываемым интересом.

— Где это мы? — спросила она.

— В центре новых перемен, — ответила Синистра, даже не обернувшись.

Вероника улыбнулась.

— Заманчиво. Обычно после таких фраз людей либо вербуют, либо режут на органы.

— Зависит от того, насколько они полезны.

— Я уже начинаю чувствовать себя желанной гостьей.

Синистра остановилась у следующей двери и приложила ладонь к сканеру. Система коротко пискнула, замки щелкнули один за другим.

— За мной. Он вас ждет.

Они прошли в главный кабинет.

Кабинет Слэйда Салдэrsa не был похож на роскошную комнату из его особняка. Здесь все выглядело холоднее, строже и функциональнее: темный стол, несколько голографических экранов, карта города на стене, закрытые каналы связи, стеклянная перегородка.

Сейчас он смотрел на Руденко так, будто хотел лично сломать ему шею.

Рядом со столом стоял еще один человек.

Эдуард Громов.

Среди своих его называли Эрнестро. Высокий, мощный мужчина около сорока лет, с короткой стрижкой, небольшой бородой и лицом, на котором эмоции появлялись, видимо, только по большим праздникам. Он был командующим войсками Sulderscorp и выглядел так, будто его поставили между Салдэрсом и остальным миром на случай, если миру вдруг захочется подойти слишком близко.

Громов молчал.

Это, как Вероника быстро поняла, было его естественным состоянием.

— Руденко! — Салдэрс резко поднялся из-за стола. — Чертов ты ублюдок. Какого хуя?!

Руденко даже не вздрогнул.

— Не горячись, старик. Подумаешь, все пошло не по плану.

Салдэрс обошел стол медленно.

И от этой медлительности становилось опаснее, чем от крика.

— Не по плану? Мэр был у тебя в руках, а ты не смог даже довести дело до конца.

Руденко сжал челюсть.

— Если бы не эта троица клоунов, я успел бы убить Кравченко.

— Если бы не твоя самодеятельность, его вообще не пришлось бы убивать в прямом эфире! — голос Салдэрса сорвался, но он быстро взял себя в руки. — Какого черта нужно было устраивать это шоу?

— Это Анастасия. Она так хотела.

— А ты у нас, конечно, безвольный исполнитель чужих желаний?

Руденко усмехнулся.

— Слушай, я делал то, что нужно было для дела.

— Нет. Ты позволил девчонке с травмой и жадой мести управлять операцией, которая должна была остаться тихой. В результате Кравченко в прямом эфире рассказал больше, чем должен был знать кто-либо за пределами очень узкого круга.

Салдэрс остановился перед ним почти вплотную.

— ДАГЭТ теперь знает слишком много. Проксима знает слишком много. Этот детектив... Орлов, если еще не сдох, тоже знает достаточно, чтобы начать задавать правильные вопросы. А у меня нет времени закапывать каждую твою ошибку по отдельности.

Вероника подняла руку, будто находилась не в штабе вооруженной организации, а на школьном уроке.

— Извините.

Салдэрс медленно повернул к ней голову.

— Что?

— Я, конечно, наслаждаюсь семейной ссорой двух неприятных мужчин, но мне кто-нибудь объяснит, куда я попала?

Салдэрс посмотрел на Синистру.

— А это еще кто такая?

— Она была с ним в конвое, — ответила Синистра. — Я не планировала брать ее, но Руденко настоял.

— Я за нее ручаюсь, — сказал Руденко.

— Ты? — Салдэрс тихо усмехнулся. — После всего, что ты устроил, твое поручительство стоит дешевле пустой гильзы.

Руденко ничего не ответил.

Салдэрс снова посмотрел на Веронику.

— Имя.

Вероника улыбнулась.

— Курская Вероника.

— За что осуждена?

— Пожизненное заключение. Беспричинное убийство десятков людей. В основном топорами.

В кабинете повисла короткая пауза.

Громов даже сейчас не изменился в лице.

— Беспричинное? — уточнил Салдэрс.

— Так написали в деле. Люди любят слово «беспричинное», когда не хотят разбираться, что у человека внутри.

— А что у тебя внутри?

Вероника чуть наклонила голову.

— Шум.

Салдэрс смотрел на нее внимательно, уже без прежнего раздражения.

— Шум?

— Иногда он тихий. Иногда такой, что невозможно дышать. Врачи называли это амок, приступами, чем-то еще. А мне казалось, что внутри меня кто-то просыпается и начинает скрести по костям. Требуется выйти. Требуется, чтобы я взяла что-нибудь тяжелое и острое.

Она сказала это почти спокойно.

Даже нежно.

— И когда я брала топор, все наконец становилось тихо.

Синистра впервые посмотрела на нее с настоящим интересом.

Салдэрс выдержал паузу.

— Убивать людей исподтишка может любой. Нас интересуют не мясники, а оружие.

Хороша ли ты в прямом столкновении?

Вероника улыбнулась шире.

— Проксима и рядом не стоит.

Руденко фыркнул, но в этом звуке было меньше насмешки, чем ему хотелось показать.

— Смелое заявление.

— А ты проверял?

— Я видел ее в деле, а тебя нет.

— Ну так и не делай выводы раньше времени.

Руденко скрестил руки на груди, после чего спросил у Салдэрса:

— Как быть с Проксимой и остальными?

— А что с ними?

— Их нужно ликвидировать.

Салдэрс посмотрел на него почти лениво.

— Ты знаешь, где они прячутся?

— Нет. Но... я знаю, как выйти на их след.

Громов впервые едва заметно повернул голову.

Салдэрс тоже заинтересовался.

— Говори.

— Клэвэр тяжело ранен. Я сам проткнул его мечом. Такие раны не лечат дома подорожником и красивыми словами. Он либо мертв, либо в больнице.

— Он жив, — сказал Салдэрс.

— Откуда знаешь?

— Потому что если бы он умер, она бы достала тебя из-под земли и добила.

Вероника тихо рассмеялась.

— Романтично.

Салдэрс проигнорировал ее.

— Продолжай.

— Дайте мне доступ ко всем камерам вокруг больниц. Не только государственным. Частным тоже. Парковки, служебные входы, крыши, подъезды, соседние здания. И немного времени.

Глава 4

Кристина сидела рядом с Димой, который все еще находился в коме.

Палата была тихой, почти стерильной. Слишком белые стены, слишком ровный свет, слишком спокойный писк аппаратуры — все это раздражало ее больше, чем хотелось признавать. В таком месте жизнь человека превращалась в график на экране, в цифры, в тонкие провода и капельницы.

Она держала руку на его груди, осторожно, будто боялась надавить слишком сильно.

— Ты поправишься, Дима, — тихо сказала она. — Не знаю, услышишь ты меня или нет, но... ты поправишься. Потому что я тебе еще не разрешала вот так валяться и изображать драматичный финал.

Голос дрогнул, и она зло вытерла слезу рукавом.

В палате также находился лечащий врач — тот самый, который уже знал тайну Кристины и Димы. Он стоял у монитора, проверял показатели и делал вид, что не слышит слишком личных слов. Получалось у него не очень.

— Слышит, слышит, — мягко сказал доктор.

Кристина подняла на него глаза.

— Откуда вы знаете? Вы когда-нибудь были в коме?

— Нет, не приходилось.

— А я вот была, — сухо ответила она. — И не помню, чтобы там что-то слышала.

Доктор не обиделся. Только устало, почти по-доброму улыбнулся.

— Здесь главное не факт, Кристина. Главное — вера. Если вам нужно думать, что он слышит, значит, говорите с ним. Иногда это помогает не только пациенту.

Кристина снова посмотрела на Диму.

— Не знаю, доктор. Может, вы и правы.

Доктор закрыл папку с документами.

— Хорошо, Кристина. Я ненадолго отойду — меня ждут в операционной. Вернусь через несколько минут, и мы с вами спокойно поговорим о вашей просьбе.

Кристина чуть прищурилась.

— Доктор, если вы будете каждый раз случайно называть меня Проксимой, я начну думать, что вам нравится рисковать жизнью.

— Постараюсь исправиться.

— Очень на это надеюсь.

Доктор вышел из палаты.

Кристина снова осталась с Димой наедине. Она долго смотрела на его лицо. Иногда ей казалось, что он вот-вот моргнет. Что пальцы едва заметно шевельнутся. Что уголок губ дрогнет, и он сейчас скажет что-нибудь в своем стиле — мягкое, нелепое, слишком доброе для человека, которого недавно проткнули мечом насквозь.

Но ничего не происходило.

Она прекрасно понимала: ей это только кажется.

— Ох, Дима... — прошептала Кристина. — Мне столько надо тебе рассказать. Про Ксюшу, про Стасика, про то, что Вика опять умничает, Настя пытается держаться, а я... я, кажется, снова влезаю в дерьмо по самые волосы. Ты бы сейчас сказал, что я должна быть осторожнее.

Она сжала его руку.

— Но ты все равно просыпайся. Мне без твоих лекций как-то слишком тихо.

В этот момент дверь палаты медленно приоткрылась.

В щели показалось незнакомое лицо. Мужчина заглянул внутрь почти бесшумно, осторожно, будто проверял, на месте ли кто-то конкретный.

Кристина мгновенно напряглась.

— Извините, а вы к кому?

Мужчина заметил ее.

И резко закрыл дверь.

Кристина застыла на секунду.

— Не поняла. А это сейчас кто был?

Она быстро поднялась, открыла дверь и выглянула в коридор. Справа — медсестра с планшетом. Слева — санитар с тележкой. У лифта стояла пожилая женщина с пакетом. Незнакомца не было.

Кристина быстрым шагом дошла до конца коридора, заглянула на лестницу, посмотрела вниз, потом вверх. Белые халаты, шаги, тихие разговоры персонала — ничего подозрительного.

Мужчина будто растворился.

— Странно, — тихо сказала она. — Очень странно.

Возвращаясь обратно, Кристина шла медленно. Мысли одна за другой цеплялись за незнакомца: кто он, зачем заглядывал в палату, почему сбежал, как только увидел ее? Случайный посетитель? Ошибся дверью? Или проверял, здесь ли Клэвэр?

Последняя мысль не понравилась ей сильнее всего.

Она так задумалась, что едва не врезалась в врача, который как раз возвращался по коридору.

— Ой, извините, доктор.

— Ничего страшного, — сказал он. — Над чем задумались?

Кристина еще раз посмотрела в сторону лестницы.

— Неважно. Вижу, вы уже освободились.

— Да. Пора обсудить вашу просьбу.

Кристина кивнула, но взгляд ее все еще оставался тревожным.

Дом Кристины

В то же самое время

Виктория, используя аппаратуру Кристины, позвонила детективу Орлову.

После нападения Синистры Орлов все еще находился в больнице. Состояние у него было тяжелое, но, судя по голосу, характер не пострадал.

— Орлов на связи, — хрипло произнес он.

— Здравствуйте, детектив, — сказала Вика.

На том конце повисла короткая пауза.

— Проксима, я с утра ждал вашего звонка после того, что увидел по телевизору.

— Это не Проксима, детектив. С вами говорит Вайлет.

— Вайлет? — Орлов тихо выдохнул. — Ну, сути это почти не меняет. Догадываюсь, о чем вы хотите спросить.

— Скажите сразу. Это она?

Ответ последовал без паузы:

— Да. Это она.

Вика крепче сжала телефон.

Рядом стояла Настя и внимательно следила за ее лицом.

— Что вам о ней известно?

— Почти ничего, — ответил Орлов. — Вы ведь знаете, мы с моим напарником допрашивали Ирину Панкратову. Вернее, пытались. Дверь вышибли, вошла эта женщина, открыла огонь. Моего напарника убила на месте, в меня всадила несколько пуль и забрала Ирину. До

сегодняшнего дня я ее больше не видел. А потом включил новости и понял, что эта бестия решила выйти на бис.

— Мне жаль вашего напарника.

Орлов молчал несколько секунд.

— Мне тоже.

Голос стал глухим. Не слабым — сдержанным. Так говорят люди, которые еще не успели нормально пережить потерю и поэтому просто складывают боль куда-то внутрь, чтобы не развалиться прямо сейчас.

— Что вы думаете насчет всего этого? — спросила Вика.

— Ничего хорошего. Я не знаю, кто она, зачем похитила Панкратову, зачем освободила Руденко и Курскую. Но в одном я уверен: все это связано с одним и тем же человеком.

— С Салдэрсом?

— Именно. Найдете Салдэрса — получите ответы. Или хотя бы новые вопросы, что в нашем деле почти одно и то же.

Вика невесело усмехнулась.

— На любой ответ у нас и так приходится еще пара вопросов.

— Значит, вы на правильном пути.

— Спасибо, детектив. Мы свяжемся с вами, как только что-нибудь узнаем.

— Вайлет.

— Да?

— Будьте осторожны.

— Бросим на это все усилия.

Спустя час

Ксения сидела в реанимации рядом с кроваткой своего младшего сына.

Женя был совсем маленьким. Полтора года — возраст, когда ребенок должен тянуться к игрушкам, смеяться, хватать взрослых за пальцы и требовать внимания просто потому, что может. Вместо этого он лежал под проводами, среди кардиомониторов, капельниц и трубок, которые выглядели слишком большими рядом с его крошечным телом.

Аппараты тихо пищали. Капельница медленно отсчитывала прозрачные капли. В палате пахло лекарствами, пластиком и усталостью.

Ксюша уснула сидя.

Не потому, что хотела спать, а потому, что организм просто выключил ее на несколько минут, не выдержав тревоги. Голова склонилась набок, пальцы все еще держали край простыни.

Дверь осторожно открылась.

В палату вошла Кристина.

Она замерла на пороге, увидев ребенка. В груди неприятно сжалось. После Димы, после комы, после больничных коридоров и чужих диагнозов ей казалось, что у нее уже не осталось места для нового страха. Оказалось — осталось.

Кристина подошла к Ксюше и осторожно коснулась ее плеча.

Та вздрогнула так резко, будто ее выдернули из кошмара.

— Ох! — Ксюша схватилась за грудь. — Кристина... напугала.

— Прости, я не хотела.

Кристина перевела взгляд на Женю.

— Как он?

Ксюша посмотрела на сына, и лицо у нее стало таким, будто за последний день она постарела сразу на несколько лет.

— Все плохо. Состояние ухудшается. Врач орет на персонал уже второй час.

— А персонал-то тут при чем?

Ксюша сжала пальцы на простыне.

— Лекарства, Кристина. Ему не давали их вовремя. Понимаешь? Не вовремя. А когда состояние ухудшилось и его перевели в реанимацию, они вдруг заметили. Вдруг. Как будто мой ребенок — это не человек, а забытая бумажка на столе.

Голос сорвался.

Глаза наполнились слезами.

Кристина ничего не сказала. Просто обняла ее.

Ксюша сначала держалась, но потом уткнулась ей в плечо и заплакала по-настоящему — тихо, надломленно, без попытки выглядеть сильной.

— Господи, что будет дальше, Кристина? — прошептала она. — А если он не справится?

— Даже думать об этом не смей. Слышишь?

— Когда ты в такой ситуации, эти мысли сами лезут в голову.

— Значит, борись с ними, сестра. Цепляйся за любую надежду. Думай, что все будет хорошо.

Ксюша чуть отстранилась и вытерла слезы.

— Ты правда в это веришь?

Кристина посмотрела на Женю.

Перед глазами на секунду всплыл Дима в другой больнице. Тот же белый свет, те же аппараты, то же бессильное ожидание.

— Очень стараюсь.

Ксюша опустила взгляд.

— Прости меня, Кристина.

— За что?

— За то, что не была на похоронах твоей матери. За то, что не навещала тебя, когда ты была в коме. За то, что не писала, не звонила... За все.

Кристина застыла.

Она не ожидала этого разговора здесь. Не сейчас. Не рядом с ребенком, который боролся за жизнь.

— Ксюша...

— Я знаю, что это не вовремя, — быстро сказала та. — Просто, когда сидишь тут и смотришь на своего ребенка, начинаешь вспоминать все, что должен был сделать раньше. Все, где поступила как последняя тварь.

— Не называй себя так.

— А как?

Кристина села рядом.

— Человеком, который испугался. Или не знал, что сказать. Или думал, что еще успеет.

Ксюша посмотрела на нее сквозь слезы.

— А ты меня правда простишь?

Кристина тяжело выдохнула.

— Да и ты меня прости. Ты хотя бы вспомнила обо мне и пришла сама. А я... я почти напрочь забыла о твоём существовании. Это тоже не делает меня родственницей года.

— У тебя была своя жизнь.

— У меня был свой ад, — тихо сказала Кристина. — Но это не оправдание.

Ксюша снова обняла ее.

На этот раз Кристина ответила крепче.

— Я исправлюсь, — сказала она. — Обещаю.

— Я тоже.

Они сидели рядом в белой больничной палате, держась друг за друга, пока аппараты продолжали тихо следить за маленькой жизнью между ними.

Глава 5

Тюрьма

Анатолий Кравченко сидел в одиночной камере и смотрел в серую стену.

Еще недавно у него были кабинеты, охрана, дорогие костюмы, личные водители, камеры, которые снимали его с правильного ракурса, и люди, готовые улыбаться только потому, что он вошел в помещение. Теперь у него была железная койка, тонкий матрас, запах хлорки, бетонные стены и понимание, что здесь он задержится не на один год, если ничего не предпримет.

Снаружи послышались шаги. Замок сухо щелкнул, и в проеме появился охранник.

— Кравченко. К тебе посетитель.

Бывший мэр медленно поднял голову.

— Какой еще посетитель?

— Увидишь.

Спустя несколько минут его привели в комнату для свиданий.

Помещение было тесным, холодным и почти темным. Лампы под потолком светили так слабо, будто даже им было неприятно находиться здесь. Между двумя сторонами стояло толстое стекло, покрытое мелкими царапинами и мутными следами от пальцев. По другую сторону уже кто-то сидел, но из-за освещения Кравченко не сразу смог разглядеть лицо.

Он сел на стул, взял трубку и поднес ее к уху.

Человек напротив чуть наклонил голову.

— Удивлен меня тут увидеть?

Кравченко застыл.

Голос он узнал сразу.

— Салдэрс?

— А кто же еще.

Кравченко всмотрелся внимательнее. Лицо посетителя было изменено гримом: другая линия скул, седоватые виски, чужая борода, очки, чуть измененная посадка плеч. На первый взгляд — обычный адвокат или усталый родственник одного из заключенных. Но голос, взгляд и эта спокойная, почти презрительная уверенность принадлежали только одному человеку.

— Что за маскарад? — тихо спросил Кравченко. — Как тебя вообще впустили? Тебя же разыскивают.

— Не суть, для тебя сейчас важно только то, что я пришел не за тобой.

Кравченко нервно усмехнулся.

— Тогда зачем?

Салдэрс чуть улыбнулся.

— Хотел, чтобы ты знал: люди, которые похитили тебя и заставили рассказать стране правду, работали на меня.

Лицо Кравченко дернулось.

— Зачем ты это сделал?

— Изначально? Я хотел тебя убить.

Он произнес это так спокойно, будто говорил о погоде.

— Просто убить. Быстро, тихо, без истерик, камер и дешевого театра. Но Вепрь и рыжая поклонница мести решили устроить публичное представление. Прямой эфир, моральный выбор, самолет, семья... очень трогательно. Почти безвкусно.

— Ты не ответил на главное. Зачем надо было меня убивать?

Салдэрс посмотрел на него без улыбки.

— Потому что ты знал то, чего знать не должен.

— Я уже рассказал все в эфире.

— Именно. Поэтому убивать тебя теперь бессмысленно.

Кравченко горько рассмеялся.

— Лучше бы убили. Знаешь, сколько мне теперь придется отгребать здесь?

— Знаю.

Салдэрс улыбнулся так, что стало ясно: эта мысль доставляет ему удовольствие.

Кравченко сжал трубку сильнее.

— Освободи меня отсюда. Ты можешь это устроить?

— Могу, — легко согласился Салдэрс. — Вопрос в том, хочешь ли. Зачем ты мне нужен, Анатолий?

Кравченко подался ближе к стеклу.

— Через пару дней суд. Они хотят сделать из меня показательный труп, только юридически живой.

— Судья мало что решит в этом деле. Насколько я слышал, наверху уже решили отправить тебя на пожизненное.

— Наверху?

— Президент лично заинтересовался твоей судьбой.

Кравченко побледнел.

— Президент?

— Да. Лев Анатольевич. Представь себе, ты все-таки привлек его внимание. Правда, не совсем так, как планировал.

Кравченко медленно отвел взгляд.

— О чем ты?

— Не играй со мной в идиота. У тебя плохо получается.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Понимаешь. Виктор Серов перед смертью успел рассказать мне достаточно. В том числе зачем семь месяцев назад тебе понадобился взрыв в Центральном банке.

Кравченко резко посмотрел на него.

— Ради денег. Вот зачем. Серов помог мне проверить схему, а ты помог ему с Триггерами.

— Не дури мне голову. Деньги были только частью.

Кравченко молчал.

Салдэрс продолжил:

— Через полгода должны были начаться президентские выборы. Ты хотел стать не просто мэром, а подняться выше. Но у действующего президента слишком сильная репутация, слишком крепкий аппарат и слишком много людей, которые предпочитали видеть во главе страны его, а не тебя.

— И что?

— И поэтому тебе нужен был не просто капитал для партии. Тебе нужен был скандал. Удар такой силы, чтобы он обрушил доверие к президенту и расчистил тебе дорогу.

Кравченко долго смотрел на стекло между ними. Потом устало усмехнулся.

— Ладно. Так и было.

Салдэрс не изменился в лице.

— Продолжай.

— Взрыв принес мне большие деньги. Эти деньги должны были уйти на раскрутку партии, региональные штабы, людей, медиа, нужных экспертов, нужных журналистов. Но суть была не только в деньгах. Серов сказал, что сможет подготовить доказательства, которые свя-

жут трагедию с людьми президента. Не напрямую, конечно. Достаточно грязно, достаточно убедительно, чтобы все поверили.

— То есть перед президентской гонкой ты собирался представить ложные доказательства и подставить сильнейшего соперника.

— Да. Президента бы убрали из игры. Его репутацию уничтожили бы. Возможно, посадили бы его людей.

— А твоя партия вырвалась бы вперед на волне страха и праведного гнева.

Кравченко пожал плечами.

— Политика всегда питается страхом. Я просто хотел накормить ее первым.

Салдэрс посмотрел на него почти с отвращением.

— Запомни, Кравченко: нельзя вырваться вперед, подставив сильнейшего. Это низко.

Кравченко тихо рассмеялся.

— Сказал человек, который продает оружие, похищает людей и приходит в тюрьму под чужим лицом. Не смейся меня, Слэйд. У нас обеих руки в крови, просто ты любишь делать вид, что твоя кровь дороже.

Салдэрс не ответил.

И именно это молчание заставило Кравченко улыбнуться шире.

— Впрочем, это уже не важно. Я в тюрьме. Президент подпишет все, что надо, и отправит меня гнить до конца жизни. Очень удобно. Он лишится прямого конкурента, и на выборах снова победит.

— Нет.

— Что «нет»?

— Никаких выборов не будет.

Кравченко нахмурился.

— В каком смысле не будет?

Салдэрс слегка наклонился вперед. В тусклом свете его измененное гримом лицо казалось почти чужим, но глаза оставались прежними — холодными, расчетливыми, живыми.

— Помнишь, в эфире ты сказал, что я замышляю что-то страшное и глобальное?

Кравченко замер.

— Так вот, — тихо продолжил Салдэрс, — это скоро случится. И Россия станет совершенно новым государством.

Несколько секунд Кравченко молчал. Паника, злость, непонимание и унижение начали смешиваться в нем слишком быстро.

— Тогда как ты со мной поступишь? — спросил Кравченко.

Салдэрс слегка приподнял бровь.

— Никак.

— Никак?

— Именно. Ты останешься здесь, Анатолий. В камере, среди людей, которые теперь знают, кто ты и что сделал. Иногда судьба бывает достаточно изобретательной без моего участия.

Кравченко стиснул трубку так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Освободи меня. Ты сам сказал: если тебе нужно, ты можешь это устроить.

Салдэрс несколько секунд молча смотрел на него через стекло. Почти скучающе.

— Могу, — спокойно согласился Салдэрс. — Но ты все еще не объяснил, почему мне должно быть нужно.

В глазах Кравченко мелькнула злость, тут же сменившаяся отчаянной расчетливостью. Он подался ближе к стеклу, будто боялся, что шанс ускользнет, если он не схватит его прямо сейчас.

— У меня есть информация.

— У всех есть информация.

— Не такая.

Салдэрс уже почти отвел трубку от уха, но остановился.

Кравченко заметил это. Едва заметное движение, паузу длиной меньше секунды — и вцепился в нее, как утопающий в край льдины.

— Я знаю то, что ты ищешь шесть лет.

Лицо Салдэрса изменилось едва заметно.

Но Кравченко этого хватило.

— О чем ты? — спросил Салдэрс уже тише.

Кравченко выдержал паузу. Насладился ею, насколько мог человек в тюремной робе, сидящий за стеклом.

Потом произнес:

— Я знаю, кто убил твою жену.

Глава 6

На следующий день

Штаб-квартира Салдэрс.

С верхнего мостика открывался вид на огромный ангар.

Внизу, под холодным белым светом прожекторов, двигалась маленькая армия. Сотни вооруженных бойцов проходили проверку снаряжения, техники в серой форме катили ящики с боеприпасами, инженеры подключали кабели к боевым платформам, а вдоль стен стояли десятки высокотехнологичных вертолетов. Черные корпуса, сложенные лопасти, закрытые кабины, скрытые отсеки вооружения — все выглядело так, будто не просто готовилось к вылету, а ждало приказа начать новую эпоху.

Рядом с перилами стояли Анжела Верлова и Сергей Руденко.

Анжела смотрела вниз почти с удовольствием. В синем костюме Синистры, с убранными волосами и холодным лицом, она выглядела частью этой машины: опасной, точной, красивой.

Руденко стоял чуть позади. После ранений он уже двигался увереннее, но тело все еще напоминало ему о встрече с Вайлет. Плечо временами тянуло, ребра ныли, а шрамы под одеждой чесались так, будто сама кожа злилась на то, что ее слишком рано заставили вернуться в строй.

— Скоро все изменится, — высокомерно произнесла Анжела.

Руденко окинул взглядом ангар.

— Да уж. Осталось каких-то пару-тройку дней.

Повисла пауза.

Снизу донесся рев двигателя: один из вертолетов запускали для теста. Воздух дрогнул, по металлическому мостику прошла легкая вибрация.

Анжела молчала.

Руденко тоже.

Оба явно ждали, кто заговорит первым.

Первым, как ни странно, оказался он.

— Ничего не хочешь мне сказать?

Анжела даже не повернула головы.

— О чем ты?

— Не притворяйся.

— Конкретнее, Сергей.

Руденко усмехнулся без веселья.

— За пару минут общения с Салдэрсом я понял две вещи. Первая: он жутко зол. Вторая: если бы все зависело только от него, я бы сейчас гнил в тюремной камере, а не стоял здесь и любовался его летающими игрушками.

Анжела наконец посмотрела на него.

— И что с того?

— Почему ты освободила меня?

— В смысле? Надо было оставить?

— Да брось, Анжела. Салдэрс не стал бы отдавать приказ спасать меня. После того, что случилось с Кравченко, я для него не актив, а головная боль с мечом. Он бы предпочел забыть обо мне, пока я сам не сдохну в тюрьме.

Анжела отвернулась к ангару.

— Ты слишком высокого мнения о его терпении.

— А ты слишком плохо врешь.

Она промолчала.

И этого оказалось достаточно.

— Это ты уговорила его послать отряд?

Анжела сжала пальцы на металлических перилах. На секунду ее лицо потеряло привычную холодную уверенность. Маска Синистры осталась на месте, но за ней вдруг проступила обычная женщина — уставшая, злая и слишком долго скрывавшая очевидное.

— Да, — сказала она наконец. — Я.

— Зачем?

— Ты знаешь ответ.

— Хочу услышать.

Анжела медленно повернулась к нему.

— Потому что ты мне небезразличен.

Руденко тяжело выдохнул и посмотрел вниз, на вертолеты, будто там можно было найти более удобный ответ.

— О боже, Анжела...

— Не надо.

— Нет, надо. Потому что ты опять делаешь вид, что это нормально.

— А что ненормального?

— Ты посмотри на себя. Синистра. Правая рука Салдэрс. Женщина, которая может войти в полицейский конвой и за минуту оставить после себя кладбище. А внутри у тебя все равно сидит девочка, которая решила, что любовь — это хороший повод тащить из тюрьмы человека, которому она не нужна.

Лицо Анжелы дрогнуло.

— Девочка?

— Ты поняла, что я имею в виду.

— Мне тридцать два, Сергей. Я не девочка.

— Вот именно. Поэтому перестань вести себя так, будто тебе пятнадцать и ты впервые увидела плохого парня с травмами и проблемами.

Анжела тихо усмехнулась, но смех получился злым.

— Женщина в тридцать два, по-твоему, уже не имеет права любить?

— Имеет. Только не меня.

— Потому что у меня был муж?

— Потому что у тебя есть муж. А еще дочь!

— Бывший муж, — резко ответила она.

— Сути не меняет.

— Меняет.

— Нет, Анжела. Не меняет. Ты спасла меня — спасибо. Правда. Я благодарен. Но я к тебе ничего не испытываю. И тебе придется с этим смириться.

Она смотрела на него несколько секунд. Слишком неподвижно.

Потом спросила тише:

— Это из-за Арлетт?

Руденко сразу нахмурился.

— При чем здесь она?

— Я же видела, как ты на нее смотришь. Как говоришь о ней. Как злишься, когда кто-то произносит ее имя не так.

— Хватит нести чушь.

— Чушь? — Анжела шагнула ближе. — Ты готов был терпеть ее капризы, ее истерики, ее жалость к жертвам, ее идиотскую мораль. Она сорвала операцию, устроила шоу, из-за нее ты сейчас в немилости у Салдэrsa, но стоит мне сказать о ней хоть слово — ты сразу скалишься.

Руденко медленно повернулся к ней всем корпусом.

— Следи за языком.

— Арлетт теперь в чужой команде, и ты это знаешь.

— Она даже понятия не имела, что я работаю на Салдэrsa. Все это время Настя думала, что мы с ней сами по себе.

— Представь, как она расстроится, когда узнает, что ты все это время был под его крылом.

Руденко замолчал.

По лицу было видно: удар попал туда, куда Анжела целилась.

Снизу снова ударил шум двигателей, но теперь пауза между ними стала куда тяжелее.

— Рано или поздно она сама догадается, — сказал он наконец. — Если уже не догадалась.

Анжела смотрела на него, и в ее взгляде было слишком много всего сразу: ревность, боль, злость, желание ударить и желание, чтобы он хотя бы раз сказал что-то мягкое.

Он не сказал.

Вместо этого отвернулся к ангару.

— Любовь делает тебя слабой, Анжела.

— А тебя что делает слабым?

Руденко ничего не ответил.

Она горько улыбнулась.

— Вот именно.

Некоторое время они молчали.

Потом Анжела будто вспомнила, зачем вообще пришла сюда не только страдать.

— Кстати. Где Вероника?

Руденко заметно расслабился, словно разговор наконец вернулся в безопасную зону — туда, где можно говорить о заданиях, слежке и чужой смерти.

— Не волнуйся за нее.

— Я не волнуюсь. Я спрашиваю.

— Я отправил ее на задание. Считай, посвящение.

Анжела прищурилась.

— Эта женщина разрубила десятки людей топорами, потому что внутри у нее «шум». Ты уверен, что ее вообще можно отправлять куда-либо без присмотра?

Руденко улыбнулся, почти без сарказма.

— Именно поэтому она и подходит.

— Для чего?

— Чтобы проверить одну больницу.

— Ты нашел Клэвэра?

— Вполне возможно.

Глава 7

Больница

День в больнице начинался тихо и ничем не примечательно.

В коридорах пахло лекарствами, кофе из автомата и той особой больничной усталостью, которая будто въедалась в стены вместе с хлоркой. Медсестры катили тележки, пациенты шаркали тапочками по полу, врачи с лицами людей, которые давно не верят в спокойные смены, перебрасывались короткими фразами у поста.

Именно таким этот день и считался — обычным, скучным, даже немного сонным.

Пока в больницу не вошла Курская Вероника.

Вернее, не вошла.

Вторглась.

Вместе с ней внутрь ворвался отряд вооруженных наемников. Семеро человек в темной экипировке быстро рассредоточились по приемному отделению, направляя оружие на персонал, пациентов и охрану. Кто-то закричал. Кто-то сразу упал на пол. Кто-то попытался спрятаться за стойку регистрации, хотя стойка, будем честны, была примерно такой же надежной защитой от автоматов, как молитва от налоговой.

Вероника шла впереди.

Теперь она выглядела иначе.

Черный костюм плотно сидел на теле, местами перехваченный ремнями и бинтами. На руках были намотаны черно-белые полосы ткани, будто она сбежала из гробницы, заехала в спортзал и решила по дороге устроить резню. Лицо закрывала темная маска с прорезями для глаз. В руках — два топора.

Из всего этого мрачного, почти мертвецкого образа особенно ярко выбивались рыжие волосы. Они падали на плечи живым огнем, делая ее похожей не то на мумию двадцать первого века, не то на кошмар, который кто-то слишком старательно одел для фотосессии.

Теперь она была не просто Вероникой Курской.

Теперь она была Амок.

Наемники открыли огонь в потолок.

Грохот выстрелов мгновенно разорвал больничную тишину. С потолка посыпалась штукатурка, люди бросились врассыпную. Медсестра у поста уронила папку с документами, пожилой мужчина в халате попытался бежать, запутался в собственных тапочках и едва не рухнул, но его успел подхватить санитар.

— Всем на пол! — крикнул один из наемников. — Лежать, сука!

Паника разлилась по отделению быстрее крови.

Но в дальнем углу, почти за колонной, один из врачей не побежал.

Он стоял у стены, держа телефон низко у бедра, и быстро набирал сообщение. Руки дрожали, но текст он отправил. Потом спрятал телефон в карман и поднял ладони, как остальные.

Амок заметила движение.

Она медленно повернула голову.

Врач побледнел, но она прошла мимо. Ее интересовало другое.

Под стойкой регистрации дрожала молодая медсестра. Она сидела, зажав рот рукой, и пыталась не издавать ни звука. Получалось плохо: страх всегда звучит, даже если молчит.

Амок подошла, наклонилась и схватила ее за волосы.

Медсестра вскрикнула.

— Прошу вас! — выдавила она, когда Амок рывком подняла ее на ноги. — Не убивайте... ради бога... умоляю!

Вероника приблизила лицо к ее лицу.

Голос у нее был тихий, тонкий и от этого куда более страшный, чем крик.

— Слушай меня внимательно, стерва. Если будешь делать все так, как я скажу, у тебя появится редкая возможность дожить до обеда. Поняла?

Медсестра беспомощно закивала.

— Умница. Видишь? Жить не так уж сложно. Надо просто вовремя понимать, кто держит тебя за волосы.

Дом Кристины

В то же время

Кристина, Вика и Анастасия сидели в гостиной и присматривали за Стасиком.

Стасик сидел на ковре и катал машинку между ножкой стола и тапком Вики, объявив это, судя по серьезному лицу, важнейшей транспортной развязкой Москвы. Вика лежала на диване, закинув голову на подлокотник, Настя сидела в кресле, а Кристина пыталась выглядеть человеком, который хотя бы пять минут не думает о Диме.

— Бж-ж-ж! — радостно произнес Стасик, направляя машинку под журнальный столик.

— Он уже минут двадцать ездит по одному маршруту, — заметила Вика. — У него либо гонка, либо очень грустная работа курьером.

— Главное, чтобы он не нашел оружейную, — сказала Кристина.

Настя медленно повернула к ней голову.

— У тебя в доме реально есть место, где ребенок может найти оружие?

В этот момент телефон Кристины коротко завибрировал.

Она взяла его, открыла сообщение — и лицо сразу изменилось.

Вся усталость, раздражение и бытовая расслабленность исчезли. Осталась Проксима.

Вика заметила это первой.

— Кто там тебе пишет?

Кристина быстро перечитала сообщение еще раз и поднялась с дивана.

— Вика, собирайся.

— Что, прости?

— Надевай костюм. Нам надо спешить.

Вика уже садилась, хотя еще не понимала, что происходит.

— Как скажешь. Но, чисто из любопытства, мы куда? В ад, на пожар или опять туда, где люди с оружием решили, что им очень хочется умереть красиво?

— Больница №21.

Анастасия напряглась.

— Что случилось?

— Туда вошли вооруженные люди. Среди них женщина в маске. С топорами.

Вика замерла.

— Топорами?

Кристина кивнула.

— Я могу помочь? — спросила Настя.

Кристина посмотрела на нее, потом на Стасика.

Мальчик как раз пытался поставить машинку на диван и выглядел совершенно неготовым к тому, что взрослые снова обсуждают смерть.

— Нет, Настя. Оставайся здесь. Мы с Викой справимся. Присмотри за Стасом.

— Кристина...

— Это не просьба.

Настя хотела возразить, но по лицу Кристины поняла: спорить сейчас бесполезно, тем более если она права, ведь кто-то должен присмотреть за Стасиком.

— Хорошо. Только вернитесь живыми.

Вика уже направлялась к выходу.

— Мы постараемся. У нас сегодня планы не умирать.

Кристина бросила взгляд на Стасика.

— А ты будь паинькой. Если кто-то спросит, где тетя Кристина, скажи, что она ушла ругаться с людьми, которым не объяснили, что больница — не место для топоров.

Стасик серьезно кивнул.

— Бж-ж-ж.

— Вот и договорились.

Больница

Амок все еще держала медсестру за волосы.

Та едва стояла на ногах. Слезы текли по лицу, дыхание сбивалось, а пальцы судорожно цеплялись за край стойки, будто стойка могла ее спасти от женщины с топорами. К сожалению, стойка была мебелью и к героизму отношения не имела.

— Две недели назад, — медленно произнесла Амок, — в эту больницу привезли пациента с большим сквозным ранением в области груди. У меня есть информация, что Проксима сама принесла его сюда. На руках.

Медсестра испуганно заморгала.

— Да... да, было такое.

— Быстро проверь, в какой палате он лежит.

— Сейчас... одну минуту...

— У тебя нет минуты.

Медсестра дрожащими руками начала работать за компьютером. Несколько раз промахнулась по клавишам, едва не уронила мышь, вытерла слезы рукавом и снова уставилась в экран.

К этому времени больницу уже окружили полицейские.

Снаружи поднялась полная суматоха. Машины перекрыли подъезды, журналисты собирались за ограждениями, зеваки снимали происходящее на телефоны, потому что человечество в любой катастрофе первым делом проверяет, нормально ли работает камера.

— Ну?! — рявкнула Амок и приподняла топор.

Медсестра вскрикнула.

— Нашла! Нашла! Имя пациента не указано, но он лежит в палате четыреста шестнадцать.

Амок чуть наклонила голову.

— Имя не указано?

— Да. В системе пусто. Только номер палаты и статус.

— Какой статус?

Медсестра сглотнула.

— Он... он в коме.

— Хм. Это все упрощает.

Она отпустила волосы медсестры так резко, что та едва не упала.

— Сиди здесь и не рыпайся. Поняла?

— Да... да, я все поняла.

— Умница. Шея у тебя гладкая, не хочется портить.

Амок повернулась к своим людям.

— За мной. Палата четыреста шестнадцать.

Снаружи

У оцепления было шумно.

Полицейские держали периметр, но внутрь не шли. Слишком много гражданских, слишком мало информации, слишком высокий шанс, что каждый неверный шаг превратит больницу в бойню. Сержант, командующий группой на месте, стоял у капота машины и слушал доклады с таким лицом, будто ему очень хотелось оказаться где угодно — хоть на скучном совещании, хоть у стоматолога, хоть в канализации с крокодилом, лишь бы не здесь.

— Сержант, преступники отказываются выходить на связь, — доложил полицейский.

— Ну и черт с ними. Спецназ вызвали?

— Да. Будут с минуты на минуту.

— Отлично. Может, хотя бы они привезут с собой план.

В следующую секунду у оцепления остановились два нюк-байка.

Толпа сначала ахнула.

Потом кто-то закричал:

— Проксима!

Вслед за этим послышались аплодисменты.

Журналисты мгновенно повернули камеры. Люди за ограждениями оживились, будто вместо вооруженного захвата больницы началась премьера дорогого фильма. Проксима и Вайлет сняли шлемы и пошли к полицейским.

— Это и есть наш спецназ? — тихо спросил сержант.

Полицейский рядом пожал плечами.

— Возможно.

— Знаешь, что самое забавное? — буркнул сержант. — Эти две красотки будут покруче спецназа.

Проксима подошла первой. Черный костюм, очки, наручи. Рядом Вайлет — в желто-черной броне, уже новой, усиленной, более плотной и явно рассчитанной на то, чтобы пули расстраивались при знакомстве.

— Какова обстановка? — спросила Проксима.

Сержант сразу стал серьезнее.

— По словам свидетелей, внутри семеро вооруженных наемников. С ними женщина в маске. Предположительно главная. Вооружена топорами.

Вика скривилась.

— Топорами? Господи, какой винтаж. Ей кто-нибудь сказал, что мы уже изобрели огнестрел?

— Заложники? — спросила Проксима.

— Точных данных нет. Но в больнице были пациенты, персонал, посетители. Скорее всего, заложники есть. Цели неизвестны.

Проксима выдохнула.

— Мне известны.

Она повернулась к Вайлет.

— Работаем.

Амок и наемники поднялись к палате четыреста шестнадцать.

Коридор был почти пуст. Лампы мигали от тревожного режима, где-то вдалеке плакал ребенок, из соседних палат слышались испуганные голоса. Наемники быстро заняли позиции у двери.

Амок не стала ждать.

Она с размаха ударила ногой.

Дверь сорвало с замка и распахнуло внутрь.

— Ну что, спящий принц, — тихо сказала она, входя. — Сейчас сказка закончится. Но палата была пуста.

Кровать заправлена. Аппараты отключены. Личных вещей нет. Ни Димы, ни врачей, ни следов пациента, который две недели якобы лежал здесь в коме.

Один из наемников заглянул в ванную.

— Здесь никого.

Амок медленно повернула голову.

— Вот если бы ты не сказал, я бы блять никогда в жизни не догадалась. — Ее пальцы сильнее сжали рукоять топора.

— Может, пациента перевели?

— Или медсестра решила поиграть в героиню, — прошипела Амок. — Оставайтесь здесь. Я пойду и объясню ей, что героизм плохо сочетается с целой шеей.

Она резко развернулась и вышла.

Бедная медсестра все еще сидела там же, под стойкой. Она даже не пыталась убежать. Страх иногда прибавляет человека к месту надежнее гвоздей.

Амок вернулась быстро.

Слишком быстро.

Она снова схватила медсестру за волосы и вытащила ее из-под стойки.

— Палата пустая, — тихо сказала она. — Я спрошу один раз. Где он?

— Н-невозможно... — медсестра задыхалась от слез. — Он должен быть там. В системе указано...

— В системе, — повторила Амок с отвращением. — Обожаю системы. Они всегда так красиво врут.

Амок уже занесла топор к горлу медсестры, но совершить свою казнь не успела. Из темноты выстрелил клинок. Лезвие вонзилось в плечо злодейки, пробило черную ткань костюма и вошло неглубоко, но достаточно болезненно, чтобы Амок резко дернулась и отпустила жертву. Через мгновение клинок со звоном втянулся обратно в наруч.

— Отстань от нее, ходячий диагноз с топорами.

Голос прозвучал с другого конца приемного отделения.

Тихий. Спокойный. Почти ленивый.

Амок медленно повернулась.

В проходе стояла Проксима.

— Проксима, — Амок будто даже обрадовалась. — Как раз вовремя. А я тут хожу по больнице и ищу твоего гнилого любовника.

В воздухе стало холоднее.

— Можешь не стараться, — ответила Проксима. — Его здесь нет.

— Я уже заметила. Расскажешь, где он, или мне выбить из тебя эту информацию?

— Сначала ты расскажешь, кто ты такая и кто тебя послал.

Амок чуть склонила голову.

— О-о-о, уверена, ты сама скоро все узнаешь.

Она подняла топоры.

Проксима щелкнула наручами. Клинки вышли вперед. Чисто, резко, без лишней красоты. Только металл и намерение.

— Всегда мечтала посмотреть, на что ты способна, — сказала Амок. — И узнать, кто прячется за маской.

— Маска есть, бинты есть, топоры есть, — сказала Проксима. — А вот с анонимностью ты обосралась, Вероника.

Амок бросилась первой.

На бегу она метнула топор.

Проксима ушла в сторону, лезвие просвистело мимо и врезалось в стену, расколов плитку. В тот же миг Амок оказалась рядом и ударила ногой по правой ноге Проксими. Удар пришелся точно, жестко, ниже колена. Проксима потеряла равновесие, едва не рухнула.

Амок не дала ей восстановиться.

Она схватила Проксиму за шею и с силой впечатала в стену.

Плитка треснула за спиной.

Проксима вцепилась в руку противницы, пытаясь ослабить хватку.

Скорость. Сила. Ловкость.

Эта психопатка двигалась не как обычный наемник. И уж точно не как случайная маньячка с топорами.

— Я чувствую твой страх, — тихо сказала Амок. — Скажи мне, чего ты больше всего боишься?

— Я ничего не боюсь.

— Лжешь.

— А ты слишком много пиздишь для человека, который оделся как экспонат из психиатрического музея.

Проксима выпустила клинок правой руки чуть глубже и резко провернула кисть.

Лезвие вспоролу руку Амок.

Та дернулась и отпустила ее.

Проксима тут же развернулась, ударила локтем по лицу, затем пробила несколько коротких ударов по грудной клетке. Амок блокировала часть, но не все. Проксима невысоко подпрыгнула и мощно ударила ногой в корпус.

Амок отлетела, рухнула на пол и проскользила пару метров.

— Долбаная психопатка, — выдохнула Проксима, массируя шею.

Амок медленно поднялась.

Кровь стекала по ее руке, но она будто не замечала боли.

— У каждого есть страх. Хочешь, я скажу, чего боишься ты?

— Удиви.

— Потерять близких. Родных. Тех немногих, кто еще делает тебя человеком.

Проксима замерла.

Амок улыбнулась под повязкой.

— Я пришла добить Клэвэра — и ты тут как тут. Ты его любишь. А значит, он твоя слабость.

Проксима чуть наклонила голову.

— Знаешь, полгода назад я бы, может, с тобой согласилась. Но теперь уверена в обратном. Любовь — это сила. Слабостью она становится только у тех, кто вообще не умеет любить.

— Очень красиво. Почти хочется блевать.

— Потерпи. В больнице найдут тазик.

В палате все еще находились семеро вооруженных наемников.

Они проверяли стены, шкафы, аппаратуру, будто пациент мог спрятаться в тумбочке, замаскировавшись под запасную простыню. Один ругался в рацию, второй пытался открыть закрытый служебный шкаф, остальные держали оружие наготове.

Вайлет появилась почти бесшумно.

Первый наемник понял, что что-то не так, только когда ее наруч ударил его под подбородок. Голова дернулась, тело обмякло, и он рухнул на пол, даже не успев нормально удивиться.

Второй развернулся и открыл огонь.

Пули ударили в броню Вайлет и отскочили искрами.

Она рванула вперед.

Удар в корпус. Подсечка. Коленом в лицо. Локтем в висок. Наемники пытались держать дистанцию, но в тесной палате это быстро превратилось в групповую ошибку. Вайлет двигалась быстрее, чем они успевали прицеливаться, а новая броня позволяла ей игнорировать то, что раньше могло бы закончиться дырками в теле и крайне неприятной беседой с хирургом.

Одного она врезала спиной в стену. Второго ударила клинком по руке, выбила автомат и добила ногой в грудь. Третьего развернула за плечо и впечатала лицом в медицинский шкаф. Стекло треснуло, наемник сполз вниз.

Через минуту шестеро лежали на полу.

Вайлет выдохнула и только тогда услышала щелчок за спиной.

— Стой! — выкрикнул седьмой наемник.

Она замерла.

Ствол был направлен ей в затылок.

— Неужели ты убьешь хрупкую девушку выстрелом в голову? — спросила Вика. — К тому же со спины? Это же низко.

— Плевать я хотел. Босс хорошо меня отблагодарит, когда узнает, что я взял в плен саму Вайлет.

— Во-первых, грубо. Во-вторых, ты сейчас звучишь как человек, который не доживет до премии.

Наемник не успел ответить.

Сзади его ударили чем-то тяжелым по голове.

Он рухнул на пол.

Вайлет не стала сразу оборачиваться.

— Я бы и сама справилась.

— Не сомневаюсь, — слышался знакомый мужской голос.

Вика резко повернулась.

У стены стоял детектив Орлов.

Бледный, осунувшийся, в больничной одежде, с повязками под халатом и лицом человека, который только что совершил поступок, за который его организм уже готов подать в суд.

— Детектив?

— Я тоже рад тебя видеть, Вайлет.

Орлов прислонился к стене и медленно сполз ниже. Видно было, что ему больно.

— Вы в порядке?

— Ох... — он поморщился. — Не надо мне было вставать. Кажется, швы решили устроить побег раньше меня.

— О чем вы думали? Вам же нельзя ходить.

— Я думал: «О, в больницу ворвались вооруженные ублюдки, наверное, полежу спокойно». Но потом разум почему-то выбрал идиотский героизм.

Вика присела рядом.

— Спасибо за помощь.

— Не за что. Проклятые наемники... Я знал, что они придут.

Вика нахмурилась.

— Простите?

— Они пришли добить меня. Сначала та женщина в синем, теперь эти. Видимо, я кому-то сильно мешаю, хотя лично я планировал сегодня только страдать и пить больничный кисель.

— Детектив... — Вика чуть поморщилась. — Боюсь, вы просто жертва обстоятельств.

— Обожаю быть статистом в чужом кошмаре.

— Они пришли не за вами. Они искали Клэвэра. Он лежал в этой больнице две недели. В коме.

Орлов поднял на нее взгляд.

— Клэвэр? Что с ним случилось?

— Потом. Сейчас мне надо помочь Проксима. А вы сидите здесь. Я пришлю врачей.

— Командовать ранеными детективами — дурной тон.

— А вставать со швами и драться с наемниками — хороший?

Орлов помолчал.

— Ладно. Один-ноль.

Вика поднялась и выбежала из палаты.

Проксима и Амок снова сошлись.

Амок подняла второй топор с пола, дернула плечом, будто разминалась, и пошла вперед. Проксима встретила ее серией быстрых ударов, стараясь держаться ближе, не давать топорам пространства. Металл звенел о металл, лезвия наручей скользили по рукояткам, Амок уклонялась слишком резко, почти ломано, будто ее тело слушалось не мышц, а какого-то внутреннего безумного метронома.

И тут с другого конца помещения появилась Вайлет.

Амок оказалась между двумя героинями.

Она перевела взгляд с Проксимы на Вайлет и, кажется, осталась довольна.

— О-о-о, Вайлет. Какая честь. Мое почтение.

Вика остановилась рядом с Проксимой.

— Господи, а ты из какого музея сбежала? Из отдела «психи с холодным оружием и плохим вкусом»?

— Значит, двое против одной? — спросила Амок.

Проксима чуть повернула голову к Вике.

— Не нравится мне, что она звучит так, будто ей весело.

— Мне тоже. Обычно, когда человеку весело с двумя клинками, день становится говном.

А тут ведь топоры.

Амок встала в боевую стойку.

— Вы ждете от меня фразы вроде «вам со мной не справиться»?

— Было бы вежливо, — сказала Вика.

— Я мыслю рационально. Против вас двоих одной мне не справиться.

Проксима слегка приподняла подбородок.

— Умная девочка.

— Но я постараюсь.

— А вот теперь снова тупая.

Проксима и Вайлет рванули одновременно.

Амок достала ручной нож и метнула его в Вайлет. Та ушла в сторону, нож пролетел мимо и воткнулся в стойку. Пока Вайлет уклонялась, Проксима нанесла первые удары. Амок приняла их на рукояти топоров, развернулась, отбила клинок Проксимы и тут же попыталась ударить ее локтем в лицо.

Проксима ушла вниз.

Вайлет вошла сбоку, ударила двумя быстрыми движениями наручей. Амок отступила, пропуская один удар мимо, второй блокируя рукоятью топора. Она двигалась между ними, как между двумя лезвиями мясорубки: ударить Проксиму, заблокировать Вайлет, оттолкнуть одну, увернуться от другой.

Так продолжалось несколько минут.

Они били ее с двух сторон, но Амок держалась.

Проксима использовала стены: отталкивалась ногой, заходила под углом, била сверху, сбоку, в развороте. Вайлет давила скоростью и сериями, заставляя противницу постоянно

менять стойку. На полу скользили осколки, кровь и вода из разбитого кулера. Где-то истерично пищал аппарат, сброшенный со стойки.

В один из моментов Проксима снова оттолкнулась от стены, пытаясь ударить сверху.

Амок будто ждала именно этого.

Она перехватила ее за руку, резко провернулась, схватила за затылок и с разбегу впечатала голову Проксими в пожарный шкаф.

Удар получился страшным.

Стекло разлетелось. Металлическая дверца прогнулась. Проксима рухнула на пол среди осколков и несколько секунд не двигалась.

— Кристина! — выкрикнула Вайлет.

Проксима не ответила.

Она лежала на боку, пытаясь вдохнуть. Мир перед глазами дернулся, размазался, потом на секунду потемнел. Голова болела так, будто внутри кто-то запустил маленький, но очень злой отбойный молоток.

Амок медленно повернулась к Вайлет.

— Ну и что ты теперь будешь делать?

Вика посмотрела на Проксиму.

Потом на Амок.

И что-то в ее лице изменилось.

Та мягкая, чуть язвительная Вика, которая могла шутить даже в аду, исчезла. Осталась Вайлет — злая, быстрая и очень лично заинтересованная в том, чтобы эта рыжая мумия перестала дышать слишком уверенно.

— Сейчас покажу.

Она бросилась вперед.

Удары стали быстрее. Жестче. Уже не просто техника — ярость, упакованная в движение. Амок впервые начала отступать по-настоящему. Один удар Вайлет пришелся по плечу, второй по корпусу, третий рассек бинты на правой руке. Черно-белая ткань расплзлась, свисая длинными полосами.

Вика заметила это мгновенно.

Она подхватила край бинта, дернула на себя и ударила Амок по колену.

Та рухнула на одно колено.

Вайлет оказалась за ее спиной, быстро перекинула бинт через шею и затянула.

Амок дернулась, замахнулась топором назад, но Вика прижалась слишком плотно. Топор прошел мимо. Второй удар тоже не достал.

— Спи, красавица, — прошипела Вайлет ей на ухо. — Косметолог потом дорисует.

Амок пыталась подняться, выгибалась, била локтями, царапала воздух топорами, но бинт все сильнее сдавливал горло. Через несколько секунд движения стали слабее. Потом тело обмякло.

Амок потеряла сознание.

Вика отпустила ее, тяжело дыша.

— Живучая тварь.

Она тут же бросилась к Проксиме, та лежала среди осколков и едва шевелилась.

— Кристина, ты как?

— Голова... — прохрипела та. — Господи, она просто трещит.

— Можешь встать?

— Только с твоей помощью, Вика.

Вайлет осторожно помогла ей подняться.

Проксима пошатнулась, но удержалась на ногах.

— Спасибо. Дальше я сама.

Она заметила тело Амок на полу.

— Ты убила ее?

— Нет. Без сознания.

— Жаль, — пробормотала Проксима, потом поморщилась. — То есть хорошо. Черт. У меня сейчас мораль сотрясение получила вместе с черепом.

В следующую секунду в здание ворвались полицейские и спецназ.

Очень громко, очень серьезно и, как обычно, тогда, когда большая часть работы уже была сделана.

Вика посмотрела на них и устало развела руками.

— Вовремя же явились. Вы на манту записывались?

Командир спецназа подошел к героиням. Под бронешлемом было видно лицо человека, который одновременно рад, что все закончилось, и слегка стыдится, что закончилось без него.

— Вы целы?

— Относительно, — сказала Проксима.

— Принимайте работу, — добавила Вайлет, кивая на лежащих наемников и Амок.

Командир посмотрел вокруг.

— У меня просто нет слов.

— Это редкое качество для начальства, — заметила Проксима. — Цените.

Спецназовец подошел к Амок и осторожно снял с нее маску.

Рыжие волосы рассыпались по полу. Лицо стало видно полностью.

Несколько человек сразу переглянулись.

Командир нахмурился.

— Это же...

— Вероника Курская, — закончила Проксима.

Вайлет медленно выдохнула.

— Только вчера ее вытащили из конвоя, а сегодня она уже опять лежит лицом в пол.

Быстрый карьерный цикл.

Командир зло посмотрел на бессознательную преступницу.

— Довольно приятный сюрприз.

— Не сказала бы, что приятный, — ответила Вайлет. — Но сюрприз — да.

Проксима шагнула ближе к командиру. При движении ее чуть качнуло, и Вика тут же придержала ее за локоть.

— Командир.

— Слушаю вас, Проксима.

— Я хочу допросить ее. Сможете устроить?

Он посмотрел на Курскую, потом на разрушенное приемное отделение, потом снова на Проксиму.

— После того, что вы сделали? Думаю, найдем способ. Как только придет в себя.

— Отлично.

— И еще, — вмешалась Вайлет. — В палате четыреста шестнадцать раненый детектив. Орлов. У него, кажется, разошлись швы. Ему нужна помощь.

Командир сразу повернулся к своим:

— Медиков в четыреста шестнадцатую. Быстро.

Глава 8

Через некоторое время.

Полицейский участок

Вероника Курская сидела в комнате для допросов.

Без маски, без топоров, без своих черно-белых бинтов, которые теперь лежали где-то в пакете с вещдоками и наверняка портили настроение эксперту. На лице у нее виднелось несколько синяков, губа была разбита, на скуле темнела свежая ссадина. Последствия боя с Проксимой и Вайлет выглядели не смертельно, но достаточно убедительно.

Руки Вероники были скованы наручниками и прикреплены к металлическому кольцу на столе.

Рядом стоял полицейский. Старался смотреть равнодушно, но держался так, будто перед ним не задержанная, а граната, которая улыбается и умеет разговаривать.

По ту сторону зеркального стекла за происходящим наблюдали Проксима, Вайлет и старший следователь Артур Титов.

Титов был мужчиной лет тридцати с ухоженным лицом, короткими каштановыми волосами и внимательным взглядом.

— Что ж, — сказал он, глядя на Веронику через стекло. — Она ваша. Десять минут. Потом ее забирают обратно.

Проксима повернула к нему голову.

— Спасибо. Думаю, управлюсь быстрее.

— Почему мне от этой фразы стало тревожно?

— Потому что у вас хороший инстинкт самосохранения.

Титов коротко усмехнулся.

Проксима вошла в допросную и села напротив Вероники.

Та подняла на нее глаза и улыбнулась так, будто увидела не человека, который недавно врезал ей лицом в тюремную реальность, а лучшую подругу, заглянувшую на чай.

— И снова привет.

— Вероника, — спокойно сказала Кристина. — Или мне звать тебя Амок?

— Давай без этой театральной ерунды. Я знаю, зачем ты пришла.

— Тогда сэкономим время. Кто та женщина в синем, которая освободила тебя и Руденко? Вероника откинулась на спинку стула, насколько позволяли наручники.

— Синистра. Так она себя называет.

Проксима чуть наклонила голову.

— Неужели паспортное имя? Родители, наверное, были очень творческими людьми и ненавидели ребенка.

Вероника улыбнулась шире.

— Ее зовут Анжела. Прости, это все, что я знаю.

— Фамилия?

— Не слышала.

— Врешь?

— Сейчас нет. Но вообще умею, если тебе станет скучно.

Проксима не улыбнулась.

— Зачем она освободила тебя?

— Она собиралась освободить Руденко. Меня прихватили за компанию. Видимо, я удачно сидела рядом. Бывает же: кто-то находит попутку, а кто-то — террористическую карьеру.

— То есть ты жертва случая?

— В некотором смысле.

— Как мило. Почти хочется выдать тебе плед и горячий чай. Жаль, ты пришла в больницу с топорами.

Вероника тихо рассмеялась.

— Топоры делают любой визит выразительнее.

Проксима подалась вперед.

— Кому служит Синистра?

Вероника посмотрела на нее почти с жалостью.

— Смешной вопрос. Разумеется, Салдэрсу. Будто ты этого не знала.

Имя повисло в комнате холодно и тяжело.

Проксима не изменилась в лице.

— Ты знаешь, где находится Салдэрс?

— Я была на его базе, но понятия не имею, где она. Нас привезли туда после конвоя. Снаружи — равнины, промзона или что-то похожее, а потом огромный комплекс. Очень уютное место, если любишь вооруженных людей, лаборатории и ощущение, что тебя могут разобрать на органы ради науки.

— Координаты? Дороги? Ориентиры?

— Ничего. Маршрут не видела. Окна закрыты, связь глушили. А сама база скрыта.

— Скрыта?

Вероника наклонилась ближе, будто рассказывала секрет.

— Невидимое поле.

Проксима молчала пару секунд.

— Звучит как фраза человека, которому пора обратно в психушку.

— Я бы тоже так подумала, если бы не видела своими глазами. Маскировка. Поле, купол, не знаю, как это правильно называется. Ваши спутники это место не найдут. Для них там пустота. Ну или скучная земля, на которую даже трактор смотреть не захочет.

— Технологии Suldscorp?

— Именно.

— Что задумал Салдэрс?

Вероника впервые перестала улыбаться так широко.

— Не знаю. Честно. Но что-то огромное. Масштабное. Не из серии «ограбим банк и купим остров». Скорее из серии «сначала все ахнут, потом начнут молиться, потом уже будет поздно».

— Конкретнее.

— Я слышала, что он ставит опыты на людях.

Проксима чуть напряглась.

— Опыты?

— Да. Но подробностей не знаю. Там были лаборатории, персонал, капсулы, какие-то медицинские секции. Я не успела устроить экскурсию, а табличек «сюда водим маньяков» у них почему-то не было.

Проксима запомнила каждое слово.

— Ладно. Переходим к главному. Зачем тебе было убивать Клэвэра?

Вероника пожала плечами.

— Задание.

— Чье?

— Руденко. Я хотела вступить в команду Салдэrsa, но Слэйд посмотрел на меня так, будто я пустое место. Представляешь? Я — пустышка.

Она хихикнула, но в смехе было раздражение.

— Даже обидно.

— И Руденко решил доказать обратное?

— Да. Он подумал, что, если я убью Клэвэра, Салдэрс признает мою полезность.

Проксима почти незаметно сжала пальцы.

— Как вы вычислили его местоположение?

— О, это было легко. Руденко рассказал, как проткнул твоего дружка насквозь.

Вероника с интересом следила за реакцией Проксими, но та не дала ей почти ничего.

— И?

— Ну сама подумай. У тебя умирает напарник с ранением насквозь. Куда ты его пове-
зешь?

— В больницу.

— Вот именно. Мы начали прочесывать камеры вокруг больниц.

— Вы не могли ничего увидеть. Записи стерли.

— Да. И это была ваша ошибка.

Проксима молчала.

Вероника явно наслаждалась моментом.

— Камера у больницы №21. На записи есть удаленный отрезок. Такой аккуратный кусок пустоты, будто кто-то взял ножницы и вырезал из реальности пару минут. Мы недолго думали. Именно тогда ты и привезла Клэвэра. А потом кто-то стер фрагмент. Алгоритм. Если просмотреть код удаления, там есть маленький след. Смайлик с длинной улыбкой.

Проксима замерла.

Вероника улыбнулась почти ласково.

— Символ Спирита. Он везде его оставляет. Такая милая самовлюбленность. Хакер-супергерой с автографом, как у художника на стене туалета.

— Спирит действительно помог нам с записями, — сказала Проксима. — Но одного удаленного фрагмента мало. Вы не могли быть уверены, что Клэвэр именно там.

— Конечно, нет. Поэтому вчера отправили разведчика. Он должен был все проверить.

Проксима вспомнила незнакомое лицо в дверях палаты.

Ту короткую секунду, когда мужчина заглянул внутрь, увидел ее — и исчез.

— Разведчика?

— Да. Он все разнюхал, подтвердил догадку, нашел твоего дружка. Но...

Вероника вдруг злобно рассмеялась.

— Эта сволочь забыла номер палаты. Представляешь? Человек нашел цель, а потом забыл, где именно. Шпион из него как из меня воспитатель в детском саду.

— Поэтому ты угрожала медсестре.

— Пришлось импровизировать. Я вообще человек творческий.

— Почему разведчик не убил Клэвэра сам?

— Потому что это было мое задание. Проверка. Салдэрсу не нужны люди, которые умеют только красиво стоять в коридоре. Ему нужны полезные.

— И ты решила стать полезной, убив человека в коме.

— Не надо так, Проксима. Ты звучишь осуждающе.

На несколько секунд между ними повисла пауза.

Проксима смотрела Веронике в глаза. Вероника — туда, где за маской должны были быть глаза Проксими.

— Может, все же скажешь, куда подевался Клэвэр? — спросила Вероника. — Еще вчера разведчик сообщил, что он был в больнице, а сегодня — как сквозь землю.

— Сразу после новости о том, что Синистра освободила тебя и Руденко, я забрала его из больницы. Да, он все еще в коме. Но теперь он в безопасном месте.

— Как ты узнала, что мы придем?

— Не знала.

— Тогда почему забрала?

Проксима ответила не сразу.

— Почувствовала.

Вероника приподняла бровь.

— Сердцем?

— Как хочешь называй. Мне стало беспокойно. А когда становится беспокойно после побега Руденко и психопатки с топорами, лучше не ждать, пока здравый смысл принесет цветы на могилу.

Вероника тихо рассмеялась.

— И сердце тебя не обмануло.

— Если бы я его вчера не забрала, ты бы успела его убить.

— Не сомневаюсь.

— А потом я бы убила тебя.

— Я уже мертвая, Проксима.

Вероника сказала это спокойно. Слишком спокойно.

— Знаешь, я человек, который живет судьбой. Я не знаю, что будет завтра. Не строю планов. Не умею любить. Не боюсь смерти. Если завтра меня не станет, в целом мире не вздрогнет ни один человек. А я ведь была нормальной девушкой. Работала ассистенткой у доктора Феликса Савина, уважала его всей душой — пока его не прикончила собственная дочь. После этого я словно провалилась в темноту: депрессия, бессонница, визиты к психологу... Я даже не помню, как его звали. Помню только, что имя у него было странное. А потом что-то во мне сломалось. Или проснулось. Не знаю. Знаю лишь одно: мне захотелось убивать.

Проксима смотрела на нее некоторое время.

— Я была похожей. До смерти матери.

Вероника чуть склонила голову.

— Это тебя изменило?

— Кардинально.

Проксима откинулась на спинку стула. Голос стал тише, но не слабее.

— Не хочу говорить, что после смерти матери у меня началась белая полоса. Это было бы тупо и мерзко. Но после этого я впервые в жизни влюбилась. Начала строить планы. Думать о будущем. Не только о том, кого зарезать ночью, а о том, как жить дальше.

— Как трогательно.

— Ты спросила меня в больнице, чего я боюсь. Так вот: я боюсь смерти.

Вероника улыбнулась.

— Правда?

— Да. Странно, конечно, учитывая мой образ жизни. Но я действительно боюсь. Иногда представляю, как будут переживать отец, Клэвэр, Вайлет и остальные, если меня вдруг не станет. И я не хочу, чтобы они это испытывали. Этого я боюсь.

Вероника смотрела на нее с неприятным восторгом.

— А ты думала об этом, когда убивала людей? У них ведь тоже были родные, близкие, семьи. Ты просто разрушила их.

Проксима не отвернулась.

— Я убивала тех, кто уже сам разрушил свое будущее. Убийц, наемников, подонков, которые продавали чужие жизни дешевле обеда в забегаловке. Человек, который убивает другого ради денег, перестает быть человеком.

— Тогда кто я? Я убивала не ради денег. Ради удовольствия. И потому что внутри становилось тихо только после крови. Так кто же я?

Проксима ответила без паузы:

— Чудовище. И ты это знаешь.

Вероника улыбнулась. Улыбка вышла почти благодарной.

— Ты права. Действительно права.

По ту сторону стекла

Пока допрос продолжался, следователь Титов решил, что стоять рядом с Вайлет в полной тишине странно. А еще страннее было то, что он уже несколько минут думал не только о допросе.

Он подошел к столу, взял бумажный стаканчик с кофе и протянул ей.

— Вайлет, я тут для вас приготовил кофе. Горячий. Отказы, к сожалению, не принимаются.

Вика посмотрела на стаканчик, потом на следователя.

— Извините, товарищ следователь, но я предпочитаю чай.

Титов остановился со стаканчиком в руке. Лицо у него стало таким, будто Вайлет только что отказалась от государственной награды.

— Вот так сразу?

— У меня принципы.

— Против кофе?

— Против плохого кофе. А в полицейских участках он обычно либо горький, либо мертвый, либо уже успел дать показания.

Титов все еще держал стаканчик.

Вика вздохнула.

— Ладно. Вы же старались.

Она взяла кофе и осторожно пригубила.

— Спасибо. Мне приятно.

— Не за что. Трудно не угостить такую яркую девушку.

Вика чуть растерялась.

— И опять-таки спасибо. Compliments я тоже слышу редко.

— Странно.

— Почему?

— Потому что вы заметная.

— Это костюм. Он желтый. Его сложно не заметить даже мертвым боковым зрением.

Титов улыбнулся.

— А глаза у вас такие же яркие?

Вика чуть напряглась, но без страха.

— Извините, но вы их не увидите.

— Понимаю.

Допросная

Проксима снова наклонилась вперед. Десять минут Титова уже давно превратились во что-то условное, но сейчас ей было плевать на регламент.

— Вероника, вернемся к больнице. Как вы собирались скрыться? К моему приезду здание уже окружили полицейские.

— На крыше нас должен был ждать аппарат.

— Вертолет?

— Нет. И не самолет, если ты собиралась спросить дальше. Что-то среднее. Трудно описать, когда тебе показывают технику будущего.

Проксима молча смотрела на нее.

Вероника с удовольствием выдержала паузу и добавила:

— И кстати, он невидимый.

— Невидимый, — повторила Проксима.

— Да. Система маскировки. Как мы уже выяснили, технологии Sulderscorp шагнули вперед, пока все остальные делали вид, что компания давно сдохла и никому не мешает.

Проксима медленно выдохнула.

— Что он задумал?

— У тебя после стычки со мной провалы в памяти? Ты уже спрашивала, а я ответила: не знаю. Я слышала только обрывки.

— Какие?

Вероника чуть наклонилась вперед, наручники тихо звякнули о стол.

— Это каким-то образом полностью изменит политику Запада по отношению к нам. Так сказал один из людей Салдэрс. Или сам Салдэрс, уже не помню. У них там все говорят так, будто проглотили пресс-релиз перед концом света.

Проксима напряглась.

— Он пытается захватить власть в стране?

— Возможно. Но «захватить власть» звучит слишком просто для него. Салдэрс не похож на человека, который хочет просто сесть в чужое кресло. Скорее он хочет сделать так, чтобы кресло, комната и вся страна вокруг начали работать по его правилам.

Проксима стиснула пальцы на краю стола.

— Это не ответ.

— Зато честнее, чем врать.

Вероника вдруг оживилась, будто вспомнила что-то забавное.

— Хотя есть еще одна фраза. Сегодня должно произойти кое-что, что полностью изменит ситуацию в правительстве.

— Что это значит?

— Понятия не имею.

— Вероника.

— Правда не знаю. Так Салдэрс прокомментировал сегодняшний день. Я сама не поняла, что он имел в виду. С ним вообще трудно: человек говорит так, будто каждая его фраза должна звучать в трейлере, а нормальные пояснения оставили для платного DLC.

— Я пришла сюда за ответами, а не за новыми вопросами в подарочной упаковке.

— Уж извини. Я маньячка с топорами, а не справочная служба Sulderscorp.

Терпение Проксимы начало трещать.

Она медленно встала, обошла стол и остановилась рядом с Вероникой. Полицейский у двери напрягся.

— Что должно произойти сегодня?

Вероника подняла на нее глаза.

— Не знаю.

— Подумай.

— Невозможно просто так взять и понять, что творится в голове у Салдэrsa. Я единственная в наручниках, кто хоть что-то знает о планах Салдэrsa. Но я уже рассказала тебе все, что знала. Наемники, которые были со мной, знают не больше. Для них это просто работа: пришел, пострелял, получил деньги, умер, если не повезло.

Проксима замолчала.

Мысль пришла не сразу, но когда пришла, лицо под маской изменилось.

— Нет, Вероника. Ты не единственная. Ты говорила, что вчера вы прислали разведчика.

— И что?

— Я его видела. Была в палате с Клэвэром, когда он открыл дверь, посмотрел на нас, а потом исчез.

Вероника улыбнулась.

— О да. Этот чертов разведчик наверняка знает больше меня. И как ты его собираешься найти?

— Есть идея.

— Что бы ты ни сделала, Проксима, остановить Салдэrsa уже невозможно. Слишком поздно. Я не знаю, что он задумал, но знаю: он готовился к этому не первый и даже не второй год.

Проксима посмотрела на нее сверху вниз.

— Ты хорошая собеседница, но наше время подходит к концу.

Она повернулась к охраннику.

— Уведите ее.

Полицейский подошел ближе.

Вероника поднялась, наручники звякнули.

— Мы еще увидимся, Проксима. И очень скоро.

— Не сомневаюсь.

По ту сторону стекла

Вайлет и Титов все еще пытались понять смысл слов Вероники.

— Значит, сегодня должно произойти что-то с политическими последствиями, — сказала Вика, глядя на стекло.

Титов наглотался серьезности.

— Нужно предупредить всех. ФСБ, ДАГЭТ, администрацию президента.

Вика резко повернулась к нему.

— Стоп. Вы знаете про ДАГЭТ?

— Да, представьте себе. Не только людям в масках известно, что в стране есть странные организации с плохой привычкой делать вид, что их нет.

— Откуда?

Титов помолчал.

— Мой младший брат там работал. Спецагентом. Разведчиком, если говорить проще.

— Работал?

Он отвел взгляд.

— Умер. Три недели назад.

Вика осторожно спросила:

— Где?

Титов ответил не сразу.

— В торговом центре. Во время взрыва. Один из семнадцати погибших.

Вика опустила голову.

— Ох... Мне очень жаль.

— Спасибо.

— Вы, наверное, возненавидели Арлетт.

Титов посмотрел на нее с искренним непониманием.

— В смысле?

— Ну... это ведь из-за нее произошел взрыв.

— Вайлет, у вас неполная информация, — медленно сказал он, — Арлетт ни в чем не...

Дверь допросной открылась, и вошла Проксима.

— Вика, нам надо идти. И да, позвони Насте.

Вайлет резко повернулась к ней.

— Блин! Кристина, тебе обязательно было произносить мое имя?

Проксима остановилась, сделала вид, что задумалась.

— А тебе мое?

Титов медленно перевел взгляд с одной на другую.

На лице следователя появилось выражение человека, которому только что подарили не улику, а целый праздник.

— Так-так. Значит, Кристина и Виктория.

Вика закрыла глаза.

— Замечательно. Просто охренительно. Может, еще паспортные данные продиктуем и адрес доставки пиццы?

Проксима пожала плечами.

— Подумаешь, имена.

Вайлет сделала последний глоток и протянула стаканчик Титову.

— Спасибо большое, следователь... эм-м...

— Титов. Артур Титов.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно, Виктория.

Проксима посмотрела на них обоих.

— Вы долго будете сюсюкаться?

Вика вздохнула.

— Да иду я, иду.

Титов проводил их взглядом, затем снова посмотрел на допросную, где уводили Веронику Курскую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.